

18+

Виктор Вейнблат

МАЙСЕН

Часть 2. «Времена не выбирают,
в них живут и умирают»

Виктор Вейнблат

**Майсен. Часть 2. «Времена
не выбирают, в них
живут и умирают»**

«Издательские решения»

Вейнблат В.

Майсен. Часть 2. «Времена не выбирают, в них живут и умирают» /
В. Вейнблат — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513502-5

Вторая часть этой увлекательной истории построена на эпизодах Второй мировой войны. Страница за страницей, читатель ощущает себя в различных ситуациях военного времени. Война для героя нашего повествования закончилась в саксонском городке Майсен.

ISBN 978-5-00-513502-5

© Вейнблат В.
© Издательские решения

Содержание

«Майсен-45»	6
Часть 2 «ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ В НИХ ЖИВУТ И УМИРАЮТ»	6
Введение	6
Глава 2.25. Осень 1941 Эти страшные слова – «Смертельный Голод, холод Блокады»	6
Глава 2.26 Крым в «свинцовой метели»	12
Глава 2.27 Холокост	17
Глава 2.28 Холокост. Посёлок Майский	23
Глава 2.29 Через много лет на этом поле	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Майсен
Часть 2. «Времена не выбирают,
в них живут и умирают»

Виктор Вейнблат

© Виктор Вейнблат, 2020

ISBN 978-5-0051-3502-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-8456-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Майсен-45»

Часть 2 «ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ В НИХ ЖИВУТ И УМИРАЮТ»

Введение

В Первой части, читатель познакомился с честной, трудолюбивой семьёй, узнал о городе Майсен, Саксония, где предки наших героев повествования получили первую фамилию. С ней они прошли долгий временной путь.

Уходя от погромщиков протестанта Мартина Лютера, оказалась на окраинах Российской Империи. Вписались в Российский образ жизни, трудом своим заработали право быть полноценными гражданами Российской Империи. Растущее благополучие за счёт упорного и добросовестного труда обрывается с началом Первой Мировой, которая выплеснула вооружённый народ в жесточайшую пролетарскую революцию.

Ленинские большевики с дикой, ничем не оправданной настойчивостью, уничтожают самобытность тысячелетней Российской Империи, семья попадает в многочисленные «мутные» события. Глава за главой, читатель ощущает всю пагубность надуманной вождём пролетариата В.И.Ленином, переустройство Российского государства...

Вторая часть этой увлекательной истории построена на эпизодах Второй Мировой войны. Страница за страницей, прослеживая судьбы литературных героев, читатель ощущает себя в различных ситуациях военного времени. Война для героя нашего повествования закончилась в том же саксонском городке Майсен, где несколько столетий назад германский чиновник придумал фамилию. Там же, в Майсене у офицера и его боевой подруги родился мальчик, которого назвали Виктором. Соединились старая фамилия и новое имя в честь Победы.

Третья часть посвящена современности. Когда заскоружлая идеология кремлёвских старцев была взломана «горбатой» перестройкой, сын офицера, всю жизнь невыездной, осуществляет свою мечту побывать в городе Майсен, отметить свое семидесятилетие. Прогуливаясь по средневековому городу, в памяти всплывают картинки из послевоенного детства, современности...

Книга, построенная на реальных фактах, может быть интересной всем, кто изучает новейшую историю. Автор будет рад получить от читателей отзывы на E-Mail: weinblatt@bk.ru

Глава 2.25. Осень 1941 Эти страшные слова – «Смертельный Голод, холод Блокады»

Илья проявил невероятное упорство посадить свою жену Ольгу и маленького Славика в последний эшелон, уходивший из Ленинграда. При всей своей дальновидности, он даже не мог себе представить, какая страшная судьба уготовлена жителям Ленинграда, Колпино и особенно всем детям. Провожая взглядом ночной эшелон с заводским оборудованием, роились тяжёлые мысли.

– Всё понятно, раз вывозят станки, значит город будут сдавать. Это хорошо, что удалось семью отправить. Теперь я буду уверен, сын мой переживёт войну. Немца до Баку не пропустят, погонят добивать на чужой территории. Ну а мне, вероятнее всего, до счастья такого не дожить, здесь и погибать.

Избегая встретить ночной патруль, возвращался в свою коммуналку тёмными, кривыми улочками и всё думал, где оборвется его жизнь, в цеху под авиа бомбой или в открытом бою с оружием в руках.

Пришёл. Не раздеваясь упал на скомканную постель и может быть, впервые за последний месяц крепко и спокойно заснул. Проснулся от шума хлопающих дверей коммуналки, возвращавшихся с ночной смены. На кухне грохотали кастрюлями и громко переругивались.

Вскочил.

– Проспал! – резко ударила по мозгам первая мысль.

– Будильник не завёл. Это плохо...

Время военное, за опоздание жестоко накажут. Значит на завод мне нельзя. Значит, в ополченцы.

Сложил в вещевой мешок паспорт, диплом инженера-технолога, остатки продуктов, нетронутый аптечный кулёк с лекарствами, осмотрел свою комнату и вышел. Закрыл на замок дверь, ключ на гвоздик, заглянул на кухню.

– Не поминайте лихом, дорогие соседи, я пошёл записываться в ополчение...

Красная армия отступала. Город с напряжением всех сил готовился к уличным боям, создавали оборонительные сооружения. Работали без сна и отдыха. Офицер, записывающий добровольцев, глянул на Илью, на его диплом инженера-механика и сразу выписал направление на площадку, где сварщики из полуметровых кусков рельс собирали противотанковые «Ежи». Грузили на машины эти нехитрые сооружения и развозили расставлять на танко-опасные направления.

Эта работа имела чрезвычайную важность для обороны. Простая, но очень эффективная конструкция, автором которой был инженер-механик Михаил Гориккер позволяла останавливать танки противника. «Ёж», попадая под днище тяжёлой боевой машины, ломал ходовую часть или пробивал днище. Танк останавливался.

Работы на оборонительных рубежах было очень много. Ноги, руки, спина, за короткий сон в казарме не восстанавливались, но на это уже никто не обращал внимание. В какой-то момент напряжение спало, ему выдали военную форму, документ с фотографией.

Написал письмо родителям в Баку предельно простыми солдатскими фразами, письма просматривалась цензурой и если возникали малейшие вопросы, откладывались в сторону. «Здравствуйте дорогие родители, -писал ополченец Илья. – В первых строках своего письма сообщаю, – жив, здоров и всем того же желаю. Как доехали Оля и Славик? Я очень волнуюсь за них. Я научился готовить себе «болтанку», варю кусочек мяса из офицерского пайка, забалтываю мукой и ем. Гадость не съедобная, но что поделаешь, война. Будем живы не помрём.

Обнимаю, целую, ваш сын Илья».

Приложил свою фотографию в полевой форме, сложил в треугольник, символ фронтального письма, подписал номер полевой почты, фамилию и отдал почтальону.

В первых числах сентября 1941 года войска вермахта взяли город в кольцо блокады и остановились. В Ставке А. Гитлера было принято решение в город не входить, окружить и методично артиллерией и авиацией уничтожить население. «Сравнять с землёй и передать

Финляндии». Западные историки трактуют это решение Гитлер по «экономическим соображениям».

С участка «Ежей» инженер-механика И. Вейнблат перевели во фронтовые ремонтные мастерские, восстанавливать повреждённую боевую технику. Боевые группы механиков с автоматчиками уходили за линию фронта, проводили разведку брошенной в нейтральной зоне техники. Оценивали возможность восстановить в полевых условиях и перегнать к фронту.

В своих воспоминаниях инженер-механик А.С.Киселёв пишет «... даже получавшие серьезные повреждения, боевые машины, благодаря мастерству и мужеству фронтовых ремонтников, снова и снова возвращались в строй».

Илья рассказал о себе такую историю:

«Как-то с группой разведчиков отправили за линию фронта оценить техническое состояние брошенных боевых машин, нанести на карту и определиться, что перетащить, а что своим ходом отогнать. Командование собирало технику.

Получили снаряжение, продукты на трое суток и ушли через линию фронта. Вышли в заданный район, осмотрелись. Всё тихо. Нервное напряжение давало о себе знать, всем жрать захотелось, сил нет бороться с голодом.

Хитрые разведчики глянули на нас, механиков, и предложили разом съесть весь трёхдневный паёк.

– Мы всегда так делаем, – балагурили бойцы, – убьют, будет обидно, немцы сожрут нашу тушенку. Короче долго никого уговаривать не пришлось, сели в укромном местечке и хорошо поели. Было удивительно приятно почувствовать давно забытое ощущение сытости.

Выполнили боевое задание быстрее чем планировалось, назад удачно просочились через линию фронта. В штабе я доложил информацию. Выслушали, поблагодарили и отпустили отдохнуть. Разведка ушла к себе, а я поспешил на склад получить паёк.

– Товарищ старшина, выдайте паёк, я вернулся из разведки, были в тылу у немца, есть хочу, никаких сил терпеть.

Но не тут-то было. Завсклад, полистал свою замусоленную тетрадку, потыкал огрызком химического карандаша и ответил, лейтенант, паек вам уже выдали. Следующий получите через две сутки.

Ох, уж эти «две сутки», дотерпеть было не просто, – смеялся Илья. – Жил на горячей воде, выпью и пару папирос в рот, затягиваюсь дымом, пока чувство голода не проходит.

В свои юношеские годы, трудно было понять, сходил в тыл врага, задание выполнил, вернулись живыми и не накормили.

На скорую помощь советской армии ленинградцы уже не надеялись, вермахт продвигался к Москве, Сталинграду. В горах Кавказа горные стрелки «Эдельвейс» занимали перевалы. К зиме город Ленинград окончательно погрузился в мрак Голода и Холода. Житель получал «Продуктовую Карточку» строго по ленинградской прописке. Взрослому работающему на сутки выдавали 125 грамм хлеба, и даже этот кусочек наполовину состоял из древесной муки и целлюлозы. Многочисленным беженцам с приграничных территорий, даже в таком скудном питании было отказано. Большая часть среди беженцев были семьи евреев, их голод выкашивал с особой жестокостью.

И когда меня спрашивают, а чо это, в Израиле памятник Блокадному Ленинграду поставили?

Отвечаю, в память о беженцах, которые искали в Ленинграде спасение, а нашли голодную смерть.

У магазинов с ночи выстраивались очереди за пайкой хлеба. Вначале ставили подростков, потом подходили взрослые. Хорошо, если было кому подойти, погреться у костра. Люди

становились раздражительными. Нередки провалы памяти, не заметил, как выронил из кармана ватника, не помнил куда засунул, или вор вытащил. Без «Хлебной Карточки», считай сам себе огласил смертный приговор, дожить до следующей «картонки», было нереально.

Обезумевшие от голода, люди научились жрать бродячих собак, кошек, крыс. В очередях перешептывались о людоедах, убивавших детей, молодых женщин.

На глазах у Ильи, лошадь подскользнулась подковами на льду и упала. Её, в миг, живую порубили, порезали на куски и растащили. Он говорил мне, – сразу не сообразил, откуда у прохожих в руках появились остро наточенные топоры. Потом понял, без топорика за спиной, из дома на улицу не выходили.

Знакомая девушка пожаловалась Илье, – пригласил зайти в гости одинокий мужчина, сосед. Открыл мне дверь, зашла. Он глянул на меня и говорит, проходи, садись, я сейчас. Ушёл на кухню. Слышу, вжик-вжик, нож точит. От ужаса пулей выскочила...

Нежданно, почтальон с улыбкой до ушей протянул полковому механику полевой треугольничек. Илья смотрел на безукоризненный почерк отца и не мог поверить, что письмо смогло проскочить через блокаду. Он не знал, решением правительства перевозка писем в осаждённый город, по значимости была приравнена к доставкам боеприпасов.

Отец писал из Баку: «Ольга, и Славик добирались до Баку почти полтора месяца. Поезда шли медленно, стояли в тупиках. Оля, на таких стоянках бегала купить Славика кислого молока и чуть не потеряла ребёнка, когда поезд без предупреждения тронулся, стал уходить от германских самолётов. Догнала. Натерпелась страху. Под бомбы не попали, но Славик подхватил гулявшую по поездкам инфекцию, и когда они появились на пороге, ребёнок был чуть живой. Хорошо, сохранился врачебный неприкосновенный запас рыбьего жира. Каждый день по маленькой ложечке поставили Славика на ноги. Он очень добрый мальчик, не слезает с рук заботливой бабушки, всё спрашивает – а где мой папа? Когда он приедет? Оля смогла устроиться в столовую, кормит нефтяников. Нам, кое-что приносит поесть...»

Мы ежедневно слушаем сообщения о Ленинградском фронте, о блокаде. В этих страшных условиях будь предельно организованным. Как врач, настойчиво рекомендую, меньше жидкой болтанки с мукой, о которых нам писал. Кусочек мяса в пайке кушай в сыром виде. Будешь варить – пропадёшь, опухнешь и погибнешь. Прислушайся к моему совету, иначе не выживешь. Наши победят и мы обязательно встретимся...».

Илья найдёт тихое местечко, сядет и перечитывает. Ему было важно заставить себя не падать духом, не сдаваться. Чувствовать себя нужным своей семье. И что бы не стояло на пути, надо выжить, встретиться, обнять всех. По совету старого доктора, так стал и делать. Отбивал ножом кусочек сырого мяса, густо посыпал солью, перцем, добра этого было предостаточно, давился тошнотой, но глотал. Письмо, как Глас с Небес, стал чувствовать себя немного лучше.

Как-то от такой еды началась такая диарея, что... Жизнь, день два и закончится. Помог ему русский ополченец, сосед по койке в казарме. Видя как Илья мучается, сказал, у тебя в вещь-мешке я видел аптечный кулёк, покажи мне, что там. Илья достал лекарства, завёрнутые ещё знакомой аптекаршей и высыпал на кровать. – «Ну милейший, господин поручик, вы совершенно не осведомлены в медицине. Принимайте вот эти порошки, должны помочь.» Кто был этот бескорыстный человек, который фактически жизнь спас, история не сохранила. Будем думать, из доброй, старой Санкт-Петербургской интеллигенции.

Моя школьная учительница по литературе, Евдокия Александровна Добкина, весной 1941 года, с отличием закончила Московский Литературный Институт. С началом войны, запи-

салась на курсы медицинских сестёр и с группой таких же хрупких двадцатилетних девчат, вызвалась добровольно ехать в блокадный Ленинград. Группу девушек-медсестёр предупредили, но они проявили мужество и прошли в блокадный город, где их распределили по госпиталям. Она многое рассказывала на своих уроках, чему была свидетелем. С годами многое забылось и когда её дочь, Лариса Зверкова (Добкина) переслала мне в электронном формате «Рукопись о блокаде», читать записки без содрогания было невозможно. Каждая строчка была наотмашь жестокой правдой.

«В блокадном Ленинграде уже больше года. Уже несколько раз на работе теряла сознание, а на ногах появились красные шишки. Их много, этих красных шишек, такие большие, что пришлось одеть чулки. Я подумала, от укусов комаров, но после четвёртого обморока, доктор сказал, это цинга, дистрофия.

Положили в палату Ивана Петровича Виноградова, где лежали врачи, профессора, медики-ученные со всего Ленинграда. Ивана Петровича в госпитале нет, он на передовой фронта. Лечить было нечем, силы иссякли, тело невесомое, не могу пошевелить пальцем, закрыть глаза. Сама насмотрелась, как умирают от дистрофии. У меня наступило полное равнодушие, безразличие, понимаю, что умираю, но не испытываю страха. К своей пище уже не прикасаюсь. Смотрю, как к тумбочке подходит крайне истощённый наш врач и жадно жрёт мою баланду...

Было уже совсем худо, когда услышала голос Ивана Петровича:

– Выдать для нашей сестрицы из НЗ (неприкосновенный запас) 10 уколов аскорбиновой кислоты и глюкозы. Эти 10 ампул глюкозы и аскорбиновой кислоты подарили мне жизнь».

Преступная армия Вермахта обстрелами уничтожала город. Городские улицы, промышленные предприятия, склады с продовольствием и прочие важные объекты методично обстреливают тяжёлой осадной артиллерией. Бомбовозы сбрасывают на город свой смертоносный груз. Попавшие под взрывы, оставались лежать на улицах. Туда же сбрасывали трупы с этажей домов. Никто из жителей не мог знать, когда, и по какому району начнётся обстрел.

И ещё из рукописи моей учительницы: «...Семнадцатилетняя девушка, кассирша продуктового магазина, в сопровождении мамы, вышла на улицу отнести дневную выручку в сберкассу. Неожиданно они попали под обстрел. Мать была убита сразу, а девушку без рук и обеих ног, с осколком в боку привезли к нам в госпиталь. Глядя на этот жалкий обрубочек, завёрнутый в кровоточащие бинты, мы, медсёстры, рыдая, молили Бога не дать, ей проснуться, дать умереть во сне. Но к утру, она очнулась и стала кричать: „Мама, мама, где деньги? Деньги целы? Мама ты где?“. Через несколько часов девушка скончалась».

А с противоположной стороны, европейцы, откусывая шоколад, сытые, одетые в тёплую амуницию спокойно, без сожаления наблюдали в бинокли, как вымирает население огромного города. Ещё и гордились своей работой. И это потомки выдающихся просветителей, авторы первых Конституций, многовековой христианской культурой. С Папским Ватиканом в конце-концов... Нет, такое мы не должны забывать, сколько бы лет не прошло. И нам, сыновьям блокадников, и нашим потомкам следует помнить

– Wer ist das der Europäer.

Ленинградский фронт бил врага, мужественно сражался. В старших классах средней школы, на летних каникулах, я работал два месяца на монтаже электростанции, ТЭЦ-1 Сумгаит. Мотивация у родителей была простой, «нехрен» три месяца болтаться по дворам и улицам, иди осваивай рабочую профессию, пригодится в жизни.

Проходя в обеденный перерыв через турбинный цех, я остановился и с восхищением стал рассматривать рельефный торс, оператора электрогенератора No 8. Лето было жаркое, оператор аккуратно вешал тельняшку подсушить на сквознячке. Его шрамы по торсу просто завораживали.

Заметил меня он жестом подозвал:

– И что стоим? Давай, подходи. Я тебя знаю, твой отец Блокадник, не так ли?

Я кивнул, подошёл. Так, мне посчастливилось познакомиться с ветераном ленинградского фронта, морским пехотинцем, слушать его истории. В следующие дни в обеденный час я уже спешил к турбине No 8 со своими кулёчком домашних котлет, луком, солью и хлебом. Отхлёбывая чай из термоса, мы говорили о жизни и, конечно же о войне на Ленинградском фронте. К сожалению, прошло много лет, и когда пишу эти строки, ни имени, ни фамилии героя вспомнить не могу, только внешность. Было ему лет 35, сильный, добрый, чем-то похож на бойца в тяжёлом весе, Федора Емельяненко.

Один из его рассказов я запомнил на всю жизнь: «Мы, молча, в белой маскировке пошли на немца, огибая убитых на снегу. Они, конечно, тоже нас заметили, не стреляли. Их унтер увидел в нас «лёгкую добычу», решил потренировать своих пехотинцев в рукопашной. Здоровые, хорошо обученные солдаты с победоносным рёвом выпрыгивали из траншеи, с азартом на сытых лицах устремились на нас. Улыбались, гады. Нас как током пробило.

Заорали «УРА!» и со звериным оскалом, с матюгами схлестнулись в рукопашной. Все смешались в смертельном клубке. Бились штыками, прикладами, сапёрными лопатками, кому как сподручнее. В моём сознании бой завертелся в замедленном виде, глухие удары, вопли с разных сторон, кровь по снегу. Больше инстинктом, чем глазами, ощутил как их унтер, долговязый немец, разбрасывая наших, упрямо продвигается в мою сторону.

– На меня идёт, – пробило в сознании. – Сильный! Тренированный!

На мгновенье встретились взглядами...

Долговязый просчитался. Я с яростью вогнал ему меж рёбер штык, а выдернуть не могу. Дёрнул, не выходит, дёрнул... Вспышка в мозгах, искры из глаз, рухнул и потерял сознание...

Короче, крепко получил прикладом по голове. Каска спасла.

Очухался, приподнялся. Остатки немецких пехотинцев удирали со всех ног. Наши не преследовали, своих ещё живых подхватывали и в свои траншеи. Мне помогли встать на ноги. Бойцы рассказали, как унтер-вожак свалился, немцы дрогнули и побежали к своим траншеям.

– А тот, кто вас по голове прикладом, почему не добил?

– В рукопашной на упавшего не отвлекаются, вертеться надо, драться... один упал, ряды сомкнулись, – и засмеялся.

А я смотрел на оператора турбогенератора No 8 и в голове вертелась фраза «...изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый. Наш рукопашный бой...».

Дома пересказал отцу эту историю. Да, -сказал отец, -я его знаю, он настоящий герой...

Офицерского пайка тридцатилетнему Илье явно не хватало, он мучительно сдвигался к дистрофии. А тут по делам службы командировали в штаб «Смольный». Зашёл и чуть не свалился в голодный обморок от струившегося по коридорам власти запаха жареных котлет и свежего борща. Штаб «Смольный» был островком Сытости в бушующем море Голода...

Я не собираюсь с осуждением комментировать этот эпизод. Враг терпеливо дожидался момента, когда воля блокадников иссякнет. Вместе с бомбами сбрасывались «миролюбивые» листовки, призыв к гражданам выходить из города. Всем была обещана работа в теплой и сытой Европе. Нужен был хаос, паника, отказ от сопротивления.

Жёсткое управление городом и обороной пресекала панику, мародёрство. В ином случае в город вошли бы финские головорезы и директива фюрера была бы досрочно выполнена.

Я просил Илью написать записку о Блокаде, но он отнекивался. То, что говорит пропаганда, это лишь половина правды. Я знаю о блокаде такое, за что арестуют и сгноят. Да и трудно это вспоминать, в памяти блокадный месяц пролетал, как один день, а что было пару дней назад не вспомнишь.

Прошло с десяток лет и мы узнали, что обоих руководителей Ленинграда, сразу после снятия блокады, вызвали в Москву и расстреляли. Историки трактуют, – вождь убирал свидетелей разыгравшейся трагедии. Получается Илья был прав, когда отказывался оставить записку о блокаде.

В зиму 1941 и 1942 года в блокадном городе от голода погибло максимальное число горожан. Мертвых надо было собрать, погрузить и вывезти. Горы замороженных трупов. В Колпино, рассказывал Илья, трупы жгли в промышленных котельных. Крематории-котельные коптели без остановочно и днём и ночью, пепел и неосторевшие фрагменты человеческих тел сбрасывали куда придётся. Похоронные команды из молодых женщин, долбили мёрзлую землю, взрывали, пробивали в мёрзлой земле рвы, раскладывали штабелями один на другой и, как могли, засыпали землёй. А трупы всё везли и везли и не видно было конца этой ужасающей пляски смерти...

В конце шестидесятых годов, 20 века, после успешной защиты диплома «Горного инженера», купили мне туристическую путёвку в Ленинград. В один из последних дней своего путешествия, я приехал на Пискаревское кладбище и пошёл между бесконечно длинных холмов братских могил. Шёл в сторону монумента «Родина-Мать», символа той ужасающей трагедии. Под каждым из холмов тысячи трупов. Был тёплый летний день, от пробивавшегося сквозь насыпь сладковатого трупного запаха, я стал терять рассудок. Признаюсь, как наяву почувствовал всю боль за тех, кто в тех рвах. Подошёл к монументу «Родина Мать», у которого ещё трудились строители.

На каменном лице скорбный укор тем, кто позволил уничтожить гражданское население, пленных военнослужащих. Брать в «котлы» боеспособную советскую армию и расстреливать подготовленных к бою солдат и офицеров, как на учебном полигоне...

Через два года, в штабе Первого Белорусского фронта майору Илье Вейнблат вручили памятную медаль:

АКТ

Мною, начальником отдела кадров БТ и МВ 1-го Белорусского фронта полковником ОХМАН И.Г., на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22.12.1942 года, вручены медали «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА» офицерскому составу Бронетанковых и Механизированных войск 1 Белорусского Фронта.

1. Вейнблат Илья Максимович Инж-майор Командир 60 РВТБ

Подпись: НАЧ ОТДЕЛА КАДРОВ БТ И МВ 1 БЕЛ ФРОНТА

ПОЛКОВНИК – ОХМАН. 06 июня 1944 г.

Глава 2.26 Крым в «свинцовой метели»

Лев Максимович Вейнблат, 1913г.р. в июне 1941 года получил повестку явиться на призывной пункт города Баку. Пройдя короткую обязательную подготовку, в звании младшего лейтенанта был направлен на фронт командиром пехотного взвода. Свой первый бой его взвод принял в Донбассе за город Красноармейск, оттуда с боями отступали до Крыма.

На Крымском фронте, лейтенант Лев Вейнблат уже командовал усиленным взводом. Перед ними была поставлена задача высадиться на захваченный берег, закрепиться и удерживать плацдарм до подхода основного десанта. Стрелков посадили на плоты, поставили пулемёты и морские катера потянули десантников к берегу. Десантники попадают под огонь не подавленной немецкой артиллерии. Артиллерия прицельно била по катерам, от взрывов снарядов плоты с солдатами взлетали в воздух. Брёвна в разные стороны, тяжёлые пулемёты, боеприпасы ушли всё под воду.

Меня, рассказывал Лев Максимович, спасло довоенное увлечение плаваньем и гребным спортом. Я много тренировался в Бакинской бухте Каспийского моря. С ранениями в спину, в ногу схватился руками за бревно. Удержать бревно руками невозможно, на волнах вращается. Как-то зацепился ремнём портупей к забитому в бревно крюку.

Мои бойцы многие впервые увидели море, в страхе хватались, кто за что мог. Я кричал им, -цепляйтесь к брёвнам ремнями, делайте как я. Кто не боялся воды так и делали, но барахтающихся в холодной морской воде становилось всё меньше, раненные теряли сознания и уходили под воду... Сам стал терять сознание, очнусь, чувствую течением тянет в открытое море, вода всё холоднее, зубы отбивают дробь, справиться невозможно.

Как спасатели подняли меня на катер уже не помню. В полевом госпитале оказали первую помощь и вместе с другими погрузили на три грузовика и повезли в тыл, без оружия и сопровождения.

Но, на этом, игра со смертью на Крымском фронте у лейтенанта Льва Вейнблат не закончилась. В пути наша санитарная колонна напоролась на немецких парашютистов-десантников.

Первыми выстрелами были убиты водители. Я был в последней машине, как услышал гортанную речь, команду, – *Alle zu schießen!* -всех расстрелять, подкатился к борту и вывалился на землю.

От удара головой о землю испытал чудовищную боль, свет улетел, рана в спине открылась, кровь пропитала гимнастёрку. Слышу короткие очереди немецких автоматов, понял, идут в мою сторону, одиночными выстрелами добивают раненных. Замер без дыхания, приготовился умирать, а они прошли мимо. Наверное, приняли за мёртвого, добивать не стали.

Бережливость – национальная черта немца, спасла меня, один патрон сэкономили, - весело рассказывал мне Лев Максимович.

...Перекидывали по госпиталям, ранение ноги было опасным, с угрозой ампутации. Подлечили, с инвалидностью вернулся в свою часть, служил до конца войны помощником командира Автомобильного батальона Таманской дивизии в составе 3 Украинского Фронта. С медалями «За Боевые Заслуги», «За Победу над Германией» комиссовали из армии по инвалидности.

О морском офицере Александре (Абрам) Вейнблат, 1914г.р., я узнал из мемуарной литературы «Крым в огне. Навстречу свинцовой метели». О смелом парне с большим уважением вспоминали русские морские офицеры. Лейтенант-гидрограф А. Вейнблат, в 1941г командовал 2-м Маневренным Манипуляторным отрядом Главной Базы Черноморского Флота.

Поясню читателю это мудрёное название специальности морского офицера. В мирное время гидрографы проводят промеры морских глубин, следят на фарватерах за состоянием маяков и буев, осуществляют лоцманскую проводку надводных и подводных кораблей. С началом боевых действий на Чёрном море, гидрографы ставили минные заграждения вражеским

подводным лодкам, высаживались с десантниками на занятый врагом берег и, под огнём противника выставляли средства навигационного обеспечения основному десанту.

Как и морские десантники гидрографы за победу расплачивались своими жизнями...

Боевые офицеры Воронов, Мазарцева, А. С. Борцов в сборнике мемуаров «Крым в огне, навстречу свинцовой метели» писали. «В конце декабря 1941 года Закавказский Фронт совместно с Черноморским Флотом провели успешную Керченско-Феодосийскую десантную операцию. Целью десанта было освобождение Керченского полуострова и оказание помощи защитникам Севастополя. Перед высадкой основного десанта в порт Феодосии прорвался сторожевой катер с группой гидрографов, которую возглавлял лейтенант Александр Вейнблат. На захваченный противником берег высадился штурмовой отряд морских пехотинцев, разведчиков и три группы гидрографов под командованием лейтенанта А. М. Вейнблат. С боем захватили маяк, зажгли огни ориентиров для десантных кораблей. Отбивая контратаки врага, удерживали маяк и вели корректуру артиллерийской стрельбы крейсеров Черноморского флота по береговой обороне врага»

За мужество, проявленное в этом бою Абрам Вейнблат был награждён Орденом «Красной Звезды». О такой десантной операции можно снимать фильмы, писать повести, писали офицеры.

Найденный мною материал я архивировал на флешку. Блуждая по интернету я познакомился с Эммануилом Вейнблат, (veynblat@mail.ru).

Киевский инженер строитель, пенсионер, проживал в Юрмале, Латвия. Замечу, в советское время этот городок считался весьма престижным местом для жительства.

Вначале мы обменивались короткими сообщениями, но скоро уже с удовольствием общались по скайпу. Как-то, я пересказал Эммануилу об Александре Вейнблат. Мой собеседник внутренне вздрогнул, электронные поля донесли до меня его волнение.

Овладев собой, Эммануил сказал мне:

– Виктор, я сейчас услышал от вас о моём старшем брате. Это настолько неожиданно, что я с трудом прихожу в себя. В 1942 году, семья получила «похоронку», наш отец не пережил горя и вскоре умер. Я делал запрос в архив ВМФ, оттуда прислали скучную Справку Военно-Морского Архива, в которой нет даты гибели, нет сведений где похоронен. Пропал «без вести» и всё.

Мы ничего о нём не знаем. То, что я сейчас узнал, это для нашей семьи бесценно. Одно только скажу, имя его не Александр, как написано в мемуарах, правильно Абрам.

– Ну что поделаешь, для советского издателя-редактора имя «Абрам» могло быть под запретом, идеология власти была такой. Поэтому, так в опубликованных мемуарах и написано имя, – ответил я своему новому другу.

Неожиданная встреча братьев, потрясла меня не меньше чем Эмануила. Я испытал особое чувство гордости за свою настойчивость изучая историю своей фамилии. И вот такой, совершенно потрясающий результат. Через десятилетия, семья младшего брата узнаёт от меня такое, о чём все могут гордиться.

Эммануил прислал мне по электронной почте копию единственной, сохранившейся в семье фотографию Абрама в морской форме. На нас смотрел красивый молодой парень, сильный, волевой, с умными, добрыми глазами честного человека.

Именно таким его навсегда запомнили и боевые товарищи. Эммануил рассказал мне о судьбе своего брата. До войны семья жила в Украине, в городе Прилуки. Отец семейства,

Михаил Вейнблат был известным военным дирижёром, одним из соавторов советского гимна Украины. Время было тяжёлое, голод. Абрам поехал рубить уголь в шахтах Донбасса. Шахтёры имели хорошую зарплату и продуктовый паёк, можно было помогать своей семье.

Находясь в забое, товарищи Абрами попали под обвал породы, он сам успевал выскочить из зоны обвала, но не сделал этого, кинулся спасать товарищей. Такой был отважный парень.

Сам попал под обвал, долго лечился в больнице, а когда молодой организм восстановился, его, по призыву комсомола в 1936 году направили учиться в Ленинградское Военно-Морское училище им Фрунзе.

По подсказке Эммануила, я вышел на связь с Идой Корчемник, ныне пенсионерки, проживающей в городе Кёльн, Германия. В свои годы юности она жила в Ленинграде, дружила с молодым курсантом. В разговоре со мной, Ида продолжала ласково называть своего парня – Абрашей. И эта встреча с Идой Карчемник, стала для меня вторым удивительным сюрпризом в моём серфинге по волнам интернета.

И так, в 1941 году молодой выпускник, в звание лейтенанта, был направлен служить на Чёрное море, где уже шли бои. Согласно справке, погиб он в один из дней с 10-го по 16-е мая 1942 года. Я решил проследить события, в которых бесследно пропал десантник. При каких обстоятельствах погиб наш лейтенант, мы уже никогда не узнаем, но попробуем вникнуть, что там происходило.

Сегодня материалы о войне по дням подробно выложены в интернете.

События на Черноморском Фронте с 10-го по 16-е мая были разгромными для советской армии. Судьба бросила Александра в эпицентр катастрофического её разгрома.

В эти дни германские войска начинают свою блестящую операцию под кодовым названием «Охота на дроф».

7-го мая 1942 года немцы наносят массированный удар по обороне советских войск Крымского Фронта. Авиация бомбит штаб Крымского фронта, командующий В. Н. Львов погибает, заместитель командующего К. И. Баранов получает ранение. Управление войсками утеряно. Немецкие диверсанты проникают в тыл армии, перерезают проводную связь со штабами.

8-го мая, после массированной артиллерийской подготовки, 30-й армейский корпус вермахта прорывает оборону советской 44-й армии.

11-го мая в тыл советской 44-й армии с самолётов были высажены немецкие десантники. Дивизии вермахта подавляя разрозненные очаги обороны, выходят на северное побережье Керченского полуострова. В «котёл» попадают восемь советских дивизий.

13-го мая советские войска в обороне окончательно разбиты.

14-го мая противник вышел на окраины Керчи.

15-го мая И. Сталин приказал: «Керчь не сдавать, организовать оборону по типу Севастополя».

Но было уже поздно, 16-го мая немецкая дивизия взяла Керчь.

19-го мая 1942 года, боевые действия на Керченском полуострове прекратились.

В Истории Великой Отечественной войны записано: «За 12 дней боев из 250000 бойцов и командиров Крымского фронта было безвозвратно потеряно 65% личного состава. Противник захватил почти всю советскую боевую технику, тяжелое вооружение и использовал всё это в борьбе против защитников Севастополя». Жестокое поражение советской армии.

Зная неустрашимый характер Александра, позволю себе смоделировать свою версию. После сокрушительных ударов по штабам и выхода немецкой армии в тыл обороняющихся, связь с войсками была потеряна. Главнокомандующий гневно требует от командующего войсками чёткой информации: «Военный совет Крым фронта, в том числе Козлов, Мехлис, потеряли голову, до сего времени не могут связаться с армиями...».

По моей версии, в эти катастрофические дни, Черноморский флот с его устойчивой радиосвязью получил приказ доставить радиостанции в расположение обороняющейся армии. С Главной Базы Черноморского Флота на Керченский полуостров были спешно подготовлены разведгруппы. Просчитать маршруты движения по занятой противником территории было невозможно. Никто не мог знать, где в настоящий момент советские войска, а где немецкие части. Отправляли добровольцев.

Вся ответственность за выполнение боевой задачи ложилась на командиров морских десантников. Они сами, по оперативной обстановке, должны были принимать решения.

Зная отважный характер нашего лейтенанта, его умение свободно ориентироваться по карте местности, с присущей ему ответственностью за жизнь своих товарищей, можно не сомневаться, он в числе первых сделал шаг вперёд и добровольно ушёл с морскими разведчиками в неизвестность.

До 10-го мая группа, в составе которой находился Александр, ещё передавала сообщения. А 16-го мая на точку возврата лейтенант Вейнблат и его десантная группа не вернулись. Что с ними произошло, никто уже никогда не узнает. Если, конечно, когда-нибудь, случайно не раскопают медальон среди останков советских воинов. В журнале «Потери личного состава», доступного в интернете, в графе «причина потерь», я нашёл запись – «мужественный, отважный офицер, преданный Родине». (obd-memorial@elag.ru).

Этими словами офицер, делавший записи, отдал должное своему боевому товарищу...

Запись дает нам Право верить, поставленную боевую задачу Абрам Вейнблат и его морские десантники выполнили. Они смогли сделать что-то очень важное...

Читая дальше о событиях керченского сражения, обратил внимание на директиву Ставки ВГК

№155452 от 4 июня 1942 года. «О причинах поражения Крымского фронта в Керченской операции». В ней указывалось «непонимание командованием Крымского фронта природы современной войны», выдвигались обвинения в «бюрократическом и бумажном методе руководства». Были сделаны и оргвыводы...

Я невольно задумался, а почему всё-таки Главнокомандующий так «легко пожурил» своих генералов. Размышляя об этом, совершенно неожиданно, ночью проснулся и вспомнил давний разговор с Львом Максимовичем. Я тогда пытался для себя понять, почему немцы так быстро разгромили Крымскую армию, которая закопалась в обороне. В голове такое не укладывалось.

В чём же причина?

Лев Максимович тогда с тяжёлой гримасой посмотрел на меня и стал рассказывать:

– Мне, старшему лейтенанту, трудно давать оценку действиям фронта в обороне. Но, среди раненых, с кем мне пришлось разговаривать, были офицеры, которые имели информацию о том, что произошло.

На флангах фронта стояли две национальные закавказские дивизии. Набранные в аулах, необстрелянные, без знания русского языка плохо понимавшие команды русских офицеров.

Это и принял во внимание «хитрый лис Манштейн». Всей своей мощью ударил по национальным дивизиям.

Под разрывами тяжёлых артиллерийских снарядов, авиа-бомб, ползущих на окопы, стреляющих из пушек танков, обороняющиеся от страха потеряли рассудок. Деморализовались, побросали оружие, побежали.

В тыл Крымской армии вошли немецкие танки, мото-пехота, десантники. Армия отчаянно сражалась, нанося немцу немалые потери. Но, без управления войсками, без подвоза боеприпасов, солдат долго не продержится. Обстановка быстро менялась не в нашу пользу, выходили из окружения по направлениям, где ещё стояли наши войска. И, опять же, попадали под губительный огонь немцев.

В своём рассказе он называл мне национальность несчастных Заавказцев, но из этических соображений, озвучивать не буду.

Командованием были сделаны выводы, национальные дивизии переформировали, обучили и они прошли свой славный героический путь.

На фронте, – говорил мне Лев Максимович, – я проникся глубоким уважением к русскому солдату. Эти парни стояли насмерть, держали на своих плечах всю тяжесть сложившейся паники, неразберихи.

В знак признания боевых заслуг, 2-ой манипуляторный отряд, которым командовали старший лейтенант Серёгин, лейтенант Вейнблат, после его гибели, лейтенант Меликов, постановлением Бюро Городского Комитета Коммунистической Партии Украины и горисполкома Севастополя № 40 от 27 декабря 1962 года, занесен на мемориал Великой Отечественной Войны площади Нахимова. Достоянная Память о морском десантнике Абраме Вейнблат.

Глава 2.27 Холокост

«Крутой обрыв, как грубое надгробье.

Мне страшно...»

Евгений Евтушенко

Эту историю я записал со слов Мины Вейнблат, известной скрипачки в музыкальных кругах Грузии и Израиля. С волнением набираю номер её мобильного телефона. Долгий зуммер и мне отвечает болезненный голос Мины. Представился, коротко рассказал, собираю материал для книги о нашей фамилии. Мина внимательно выслушала, чувствовалось разговор заинтересовал её и она поделилась историей своей семьи в период тех страшных событий, о которых пойдёт повествование.

Ей было 13 лет, а её маленькой сестре 5 лет, когда девочки оказались в водовороте Холокоста. Кое-что она сама хорошо помнит, но большее по рассказам мамы, Веры Моисеевны, врача по профессии.

Работая над текстом, я сделал ещё несколько звонков в Израиль, но с каждым звонком Мина, ссылаясь на здоровье, могла уделить мне всё меньше времени. Когда моё повествование было готово, я распечатал текст, вложил в большой конверт и отправил Мине в Израиль на прочтение и одобрение. Однако, рукопись до адресата не дошла, Мина умерла.

При содействии Иды Карчемник, я встретился в городе Эссентуки с Александром Николаевичем Гайдиным, родственником Иды. Мы интересно пообщались и Александр Николаевич передал мне электронную копию единственной сохранившейся фотографии довоенных лет. Смотрю на лица людей нашего рода из далёкого прошлого, счастливые Мина, Ната, мама Вера Моисеевна и, в круглых очках, отец семейства Ишия Вейнблат, 1903 года рождения, про-

фессиональный музыкант, виртуоз скрипач. Фотография доносит нежные чувства отца к своим очаровательным дочуркам Мине и Наточке. За ними мама, она, как Родина Мать, раскинув руки, как бы закрывает своих девочек, от грядущих невзгод.

Не перестаю задавать себе один и тот же вопрос:

– За что этих интеллигентных, чистых людей, преступная германская армия и их ставропольские псы-полицайи вылавливали и уничтожали?

– За что?

Ответ я нашёл в протоколе из немецкого архива. В графе «Состав преступления», стояло одно слово – «Jude». В этом слове зашифровано преступление германского нацизма, которому нет и не будет оправдания.

Вера, 35-ти летняя, симпатичная женщина с дочками Миной и Наточкой, с бабушкой Златой Шмулевой в потоке беженцев уходила с Украины в сторону Кавказа. Её муж Ишия Вейнблат в дороге подхватил инфекцию и скоростно скончался.

Вера, без мужской помощи, с мамой и дочками, смогли добраться до Кавказских Минеральных Вод. В городе Ессентуки её приняли на работу в один из госпиталей.

Они поселились в пустовавшем доме на краю города, который бабушка вычистила, навела порядок, нашли в чём готовить еду и на чём спать. Вера сутками пропадала в госпитале. Работы было нескончаемо много, врачи сами едва стояли на ногах, а раненых, контуженных, инвалидов всё везли и везли.

Не верилось, что немцы возьмут Северный Кавказ, все ждали вот-вот наступит перелом и врага погонят бить на чужой территории. Но вопреки всему, в августе 1942 года положение на южном фронте ухудшилось. После жестоких затяжных боёв за город Ростов, советская армия, уходя от полного разгрома оставила город Ростов.

В госпиталях Кавказских Минеральных Вод началась поспешная эвакуация. Ходячих уводили через Клухорский горный перевал в Грузию. Лежащих грузили в санитарные эшелоны и через Минеральные Воды эвакуировали в Закавказье.

Как всегда, не хватало ни времени, ни санитарных вагонов, всё на эмоциях. В последний санитарный эшелон всех не смогли загрузить. Вагоны укатали, а на платформах остались лежать брошенные тяжёлораненые.

Стояла августовская жара, окровавленные бинты привлекли несметное количество насекомых. Жуки-кровососы пикировали на раны, стаи мух, неугомонно жужжа садились на пересохший рот и глаза.

Беспомощные молодые мужики, преодолевая боль, угрюмо терпели всё это, надежд на спасение уже не было, кто-то стонал, кто-то просто смотрел в небо, ожидая когда ангелы примут их души.

Врачу Вере с её двумя детьми и бабушкой, места в санитарном вагоне не нашлось, фактически и их бросили на растерзание германским нацистам.

По курортным городам поползли лёгкие танкетки, тягачи с пушками, грузовики с солдатами. Офицеры выходили из кабин оценивая обстановку. По городу замелькали мундиры грязно-зеленого цвета, зазвучала незнакомая речь. На немецком языке установили указатели по направлениям городов, общественных мест.

Запестрели плакаты с угрозами расстрела: «Если на территории города будет убит немецкий солдат, то за это немедленно будут расстреляны...».

Солдаты располагались на отдых в домах не тронутых войной. Зазвучали губные гармошки и с ними бравые солдатские песни. Оккупанты веселились, скоро конец войне, скоро победа. До нефтяных районов Грозного и Баку уже совсем не далеко. Со дня на день высту-

пит турецкая армия, а значит, война для них закончится. Городок быстро накрыл мрак чужой власти.

Оккупанты хозяйничали не церемонясь, отстреливали собак, чтобы не гавкали, входили в дома, за съедобным. – Matka, dawai kurka, eiki, mleko, kartoska...

Оккупационные власти, не мешкая, стали наводить свой порядок. По улицам стали расхаживать полицаи, набранные из местных.

Первыми указами приказали всем лицам еврейской национальности пришить на одежду жёлтую шестиконечную звезду и ждать распоряжений. Появление на улице без жёлтого знака — расстрел.

Собирая материал по Холокосту я обнаружил эпизод расправы с нашим родственником в Киеве:

«...3 грудня 1941 р. було опубліковано наказ німецької комендатури, який зобов'язував усіх євреїв носити жовті зірки на грудях верхнього одягу діаметрів в 10 сантиметрів. 5 грудня 1941 р. о 11-ій годині на Інтернаціональному майдані проти кінотеатру був повішений єврей Вейнблат, який їхав через Лебединський район і не знав про наказ носити жовту зірку...»

Вера как-то, во всё это не верила, ну не могут люди творить такое зло, да и советская пропаганда имела подлость всё это замалчивать. Массовая расправа фашистов над еврейским населением выдавалась за массовые расстрелы над советским народом. На то, у идеологов от ленинского коммунизма были свои расчёты. Остерегались вожди, в народе скажут, – да и чёрт с ними, с евреями, коль нас не тронут и под немцами проживём.

После короткого боя с курсантами пехотного училища в город Эссентуки вошла немецкая армия.

Вера на работу в госпиталь уже не пошла, молча присела у окна вырезать из жёлтой занавески шестиконечные звёзды, себе, маме, дочкам. В голове вертелась одна и та же мысль, значит, всё, что рассказывали раненые солдаты, правда.

Они же мне говорили, -доктор Вера, ты же еврейка, бросай всё и беги дальше, беги, не жди. Придут немцы и всех евреев, убьют, детей убьют, стариков убьют, тебя убьют, чтоб в Берлин отправить рапорт – Jden Frei...

Пришивала на одежду «Звезду Давида», а слёзы душили, рвались выплеснуться из её больших глаз. Мучительно улыбалась, боялась передать страх неминуемой смерти своим маленьким девочкам. Дочки сами притихли, сидели рядышком, молча перекладывая в коробочках тряпочки, пуговики, фантики. Чувствовали приближение чего-то страшного.

Так бы и оборвалась жизнь и этой семьи, если бы не случай. В госпитале доктор Вера работала в паре с медсестрой Шурой Косиловой, молодой, симпатичной девушкой из местных. Сработались, сдружились, стали подругами-не разлей вода.

В этот день, Шура решила навестить подругу, узнать что и как. Пробегая по городу, случайно натолкнулась на знакомого ещё со школы парня. Он издали приметил её стройную фигурку, сделал круг и вышел навстречу, как бы случайно, в новенькой форме полиция, с винтовкой через плечо.

Школьный друг давно выказывал Шурочке свои знаки внимания, а нынче, при власти, решил проявить настойчивость перед «казнобой».

– Привет красавица. Ну, чо скажешь, как я тебе в форме?

– Ну, Гришан, ты прям, вылитый ариец! Глаз от тебя не оторвать.

Они ещё побалагурили, перекинулись фразами, посмеялись. Парень сделался серьёзным и спросил, – в гости примешь?

– Ну, ...приму, коль напросился. А сам-то по дому поможешь? Крыша прохудилась, с потолка капает. Забор покосился, упадёт со следующего урагана, подпорки бы выставить. Сам видишь, мужиков на войну сгребли, инвалиды одни шастают, а какой с них толк. Я сейчас к подружке, ночевать у неё останусь, а завтра приходи, пирожков нажарю с капустой, как ты любишь.

Полицай задумался.

– Не, завтра никак, служба, понимаешь

– А в самоволку, слабо?

– Не, с фрицами такое не проходит, дисциплина у них, понимаешь. С ними разговор короткий. А для тебя я найду пару дней и ночей, шеф пообещал дать отдых.

– А чего это так, а?

– На днях всю городскую «жидовню», усех до еденного, вывозить начнём на отстрел в Минводу. Работы там будет много. Завтра, с утра за город в дозор станем, чтоб никто не сбежал, а как эшелоны с жидами пойдут на Минводы, и нас туда же. Когда вертаюсь не знаю, но ты жди.

Услышав от полицая такую информацию, Шура подавила в себе волнение и попрощалась. Пришла к своей подружке, докторше Вере.

С порога, трудом сдерживая волнение, полушёпотом стала говорить:

– Верка, что делаешь?

– Шью, носить жовту зірку.

– Давай, бросай шить, знакомого полицая встретила, он такое проболтался, я посея пор еле живая. Собираться и уходить из города надо, сегодня ночью. На днях будут сгонять на вокзал евреев, вывозить на расстрел в Минводы. Сегодня не уйдёшь, завтра днём за городом посты выставят, тогда всё, уже не проскочить.

Стемнеет и уходи, – шепотом повторяла одно и тоже Шура.

Верка обняла Шурку и со слезами ответила.

– Спасибо, дорогая, что предупредила. Да только куда мы пойдём, местность не знаю, в темноте собьёмся, круг в поле сделаем и зараз на посты к твоему полицая и выйдем. А ещё маленькую на руках нести, да бабушка, как на своих больных ногах, не знаю. Не уйдём далеко, убьют нас всех. Так уж наша судьба развернулась. А ты, Шура, иди, не дай бог и тебя с нами схватят, кто там разбираться будет.

Подруги обнялись и разревелись. Потом Шура оттолкнула Верку:

– Ты что такое говоришь, я тебя не брошу, с тобой пойду. Я могу отсидеться, но ежели тебя и твоих девочек по дороге возьмут, до конца дней своих, казнить себя буду...

Короче, уходим вместе, ежели чо, вместе сгинем в чистом поле. Мне надеяться то же не на кого, а быть подстилкой у Гришки-полицая, не моё это.

Куда идти я знаю, нас школьный физрук водили в походы с ночёвкой, не думала тогда, что в жизни всё так пригодится. Я даже к себе домой не пойду за вещами, мало ли что случится, а вы пропадёте без меня. Сопли вытерли, зови маму, обмозгуем наш побег и собираемся. Выбора нет, дорогуша, коль не дойдём до наших, значит не судьба.

Успокоились, обсудили и за дело. Определились так, бабушка понесёт продукты, Вера с Шурой тёплые вещи, одеяло. Наточку к спине привязываем, как горянки делают и несём по очереди. Мина, уже большенькая, сама дойдёт. Главное в темноте через брод, в воду не свалиться.

Как стемнело, мешки за спину и скользнули в осеннюю ночь. Шура уверенно взяла направление на Кисловодск, а потом свернула на юго-восток в сторону реки Баксан. Сентябрь 1942, в этих местах не холодный, изредка срывался дождь, но это не мешало им быстро уходить в сторону линии фронта, которой как таковой и не было. Сознание отключилось от реальности происходящего, шаг за шагом в полном молчании. Не обращая внимание на боль в ногах, упрямо шли всю ночь. Страх не было, даже маленькая Натачка понимала, плакать нельзя, собаки услышат, лаять начнут, людей поднимут.

Это была игра со смертью, выжить любой ценой, не нарваться на патруль, не наступить на пехотную мину...

До первых утренних солнечных лучей беглянки прошагали почти до Кабардино-Балкарии. В полном изнеможении добрались до невысоких горных хребтов, и здесь, в узкой ложине, у родника, остановились. По-светлomu уже идти нельзя, заметят.

Сели, улыбаются, из сознания стало улечувиваться что-то такое гадкое, чёрное, тягучее. Светлый лучик добра стал пробиваться в их души. Радуюсь они и не подозревали, что их отслеживают в полевой бинокль.

Разведчики, заметили группу и незаметно пошли на сближение...

Боже ты мой, сколько было радости у беглянок при виде сильных, бесстрашных, весёлых бойцов, и куда делась усталость. Руки сами потянулись к расчёске.

Рассказали всё, что знали о ситуации в городе, про свой ночной маршрут. Дальше идти было уже легче, балагурили, шутили, если кто будет ранен, лечиться попросят только к Шурочке с Верой.

Их вывели на дорогу и попрощались. -Трудно поверить, что мы вышли из ада, – сказала доктор Вера.

В то время, когда они шли пешком ехали, в Кисловодске разворачивались драматические события.

Оставшиеся в госпиталях медработники, приходили работать с ранеными. Перевязки, уколы, капельницы, стерилизовали шприцы, стирали бинты. Среди медперсонала был и пожилой врач Михаил Вейнблат.

Михаил получил место в санитарном эшелоне, перед отправкой втокнул свою двадцатилетнюю дочь, а сам остался. Думал, зачем немцу пожилой человек, в Первую Мировую они с гражданским населением вели себя достаточно корректно. Да всё как-то обойдётся.

После обхода палат в ординаторской заполнял медицинские назначения и официальные документы. Погружённый в работу над документами, он вздрогнул от непревычного шума во дворе, резкого топота сапог, скрипа въезжающих конных телег.

Михаил услышал команду на немецком, – разойтись по палатам и ликвидировать больных и инвалидов.

В ординаторскую ввалились два полицая. Искажая привычный русский язык местными интонациями, тыча винтовкой, приказали медикам выйти во двор.

Из палат доносились одиночные выстрелы, крики о помощи, хрип умирающих.

Бросили убитых на конные телеги и отправили со двора, а медперсоналу приказали зачистить, вымыть всё и больше не приходить. Закончив с уборкой, Михаила и ещё нескольких не отпустили. Повели в комендатуру и передали молодому офицеру в наглаженной форме

войск SS. Через переводчика он коротко сказал Михаилу и спутникам несколько фраз о несмысливаемой вине евреев перед Великой Германией и предложил вступить в «еврейский комитет». Они будут собирать для Германии драгоценности, золото, предметы искусства, принадлежащее еврейским семьям. Услышав такое, неожиданное предложение, Михаил перешёл на немецкий, объяснил офицеру, что не сможет этим заниматься. В Первую Мировую имел ранение в ногу, потом развился артрит. – Ich bitte um Verstandnis, прошу меня понять...

Удивлённый хорошим немецким, офицер махнул на него рукой:

– Нашейте на одежду жёлтую шестиконечную звезду, и без этого знака не появляйтесь на улицах, иначе вам будет расстрел. Следить за объявлениями, строго всё выполнять. Можете идти домой...

Офицер SS, уже набрал себе группу продажных евреев, готовых под любым предлогом спасти свою шкуру.

На выходе из комендатуры, Михаила негромко окликнул германский офицер-медик примерно возраста. На ломаном русском представился, сын врача, из Санкт Петербурге. Попросил сказать пару слов о лечебных свойствах минеральной воды «Нарзан».

Михаил был добрым человеком, злость пропала, ему стало интересно пообщаться с коллегой. Перебросились фразами на немецком, латыни.

Михаил вдруг отчётливо понял, что армейский врач специально затеял разговор о воде, чтоб предупредить коллегу быстро исчезнуть, это сохранит ваша жизнь.

Михаил тяжело улыбнулся, оценив поступок немецкого коллеги. Конечно, очень даже хотелось исчезнуть, спрятаться, уйти. Но шансов на спасение у него не было. Уйти ночью, незаметно в горы не хватит сил, а как местные выследят, забьют самосудом. Разговоры о таких беглецах уже ходили по рынку. Он шёл домой с тоской посматривал на изящный дом «дачу Шаляпина», занятый под штаб. На крыльце стояли входили-выходили подтянутые германские офицеры, его будущие палачи.

Улицы давно никто не подметал. Покрытые опавшими листьями клена и дуба, желтым ковром шуршали под его ногами. И до него, со всей безысходностью, вдруг дошло, – в один из таких чудесных дней кавказской осени его жизнь закончится. Смотрел на чужих солдат и был рад, что отправил дочку. Потом стал вспоминать, как легкомысленно отнёсся к тому, что рассказывали беженцы. Какая была наивность верить в порядочность немца.

Дома он ничего не рассказывал своей жене Софье, не хотел видеть её слёзы. Только попросилшить ему из жёлтого материала шестиконечную звезду.

Жена Михаила, была из татов, Берлин по горским евреям ещё не принял решение, пока их не трогали. Сидел, правил свою рукопись, читал книги из тех, что ещё не прочёл. Каждое утро добросовестно выходил из дома до места, где немцы вывешивали свои объявления.

Возвращаясь он думал о том, как всю жизнь делал людям добро. Ночью прибегают, стучат в окно, умоляют помочь. Вставал и шёл... В любую погоду, в дождь и снег, в гололёд. Никогда, никому и ни в чём не отказывал. Спасал травмированных, выхаживал, принимал роды. А сегодня, когда я на краю гибели, вокруг меня пустота, никто не предлагает своей помощи. Даже во взглядах нет сочувствия. Злобно глянут на нашивку и отворачиваются.

Вот он, итог моей клятвы Гиппократу, бескорыстно служить людям.

В тот день, когда Мина, Шура, девочки с бабушкой тряслись в грузовичке по пыльной дороге, он прочёл объявление – «Лицам еврейской национальности Кисловодска явиться в 5 утра по берлинскому времени на железнодорожную станцию для ...заселения малонаселенных районов Украины».

Это была откровенная ложь. На самом деле весь древний народ с оккупированной территории собирали для окончательного уничтожения. В назначенный день и час в сопровождении охраны, всех, семьями с детьми и подростками загнали в товарные вагоны и на открытые платформы. Добирая людей на других станциях, эшелон остановился за городком Минеральные Воды у корпусов построенного до революции Стекольного Завода.

Резкая команды полицаев раздеться, сложить вещи и выходить из вагонов.

Несчастных погнали к противотанковой траншее. Грохнули первые выстрелы. Люди всё поняли, паника, крики.

– Нас Убивают, Спасайтесь ...!!!

Молодые женщины подхватив детей на руки, бежали по полю, пытаясь спастись. Полицайи из местных, догоняли, били штыками, ножами, глумились, подтаскивали к яме и сбрасывали ещё живых... Дети, девушки, юноши, мужчины и женщины, люди преклонного возраста, были здесь убиты. За три дня глубокие противотанковые рвы, траншеи за Стекольным Заводом заполнились телами несчастных. В одну из траншей упал смертельно раненый Михаил...

Глава 2.28 Холокост. Посёлок Майский

Муж Веры до войны на срочной службе в армии сдружился с кабардинцем. После демобилизации так и остались друзьями. Посылали друг другу поздравительные открытки, приглашали в гости. И сейчас Вера очень надеялась, что они помогут на первое время.

Когда измученные женщины и их дети добрались до посёлка Майский, они стали расспрашивать жителей кабардинской части села о своём знакомом. Местные, традиционно недоверчивые к незнакомцам, после долгих расспросов показали дом, с которым было столько надежд.

Только вместо дома, груда безжизненных развалин. Рядом разорвалась немецкая авиабомба, друг Евсея погиб под обломками. Семья перебралась в землянку армейской траншеи и все пошли туда. Несмотря на то, что женщины были знакомы только по письмам и редким фотографиям, встреча получилась тёплой, душевной.

Память о мужьях, которым не суждено было встретиться, сблизила женщин. Накрыли стол, посидели, поговорили. Маленькие девочки очаровали всех, им предложили раз в день приходить за кружкой козьего молока. Коза-кормилица, мирно паслась за траншеями, или как шутили кабардинские друзья – ведёт разведку на «ничейной» полосе.

Друзья помогли найти приют в пустовавшем доме, в который никто не заходил, не мародёрствовал, не растаскивал имущество и не гадил. Всё, как было при хозяевах, так и оставалось на своих местах.

Показали где брать воду, как разжечь камин, принесли продукты на первое время, а если что надо, всегда помогут.

Бабушка Злата привычно взялась наводить порядок, убирать пыль, мелкий песок на подоконниках, снимать паутину, мыть посуду. Её заботливыми руками безжизненный дом становился чистым и уютным. В гардеробе нашлись ношенные женские национальные юбки, кофты. Переделались, накрутили платки на голову. Ну, настоящие горянки, не отличишь от поселковых, у зеркала, может быть за всю войну расхохотались здоровым, жизнеутверждающим смехом.

В посёлке работал госпиталь, в который наши героические женщины устроились на работу. Горький опыт беженцев подсказывал, лучше не привлекать к себе внимания. Оформляясь на работу Вера умолчала о высшем медицинском образовании, представилась медсестрой, назвала простую русскую фамилию, распространенную в этих местах. Высшее образование и профессия врача могла привлечь внимание, а этого им было совершенно не нужно. В объяснительной указала, что документы погибли во время бомбёжки и пожара.

– Ладно, – ответили в отделе кадров, – понаблюдаем на что вы обе годитесь. Вначале поработайте санитарками в инфекционном отделении, посмотрим, а там переведём медсестрами.

Получили аванс в рублях и пошли на рынок, купить продуктов, присмотреться манере общения, к жестам, взять характерную интонацию, обиходные слова и фразы.

Жизнь стала налаживаться, крыша над головой, сухие дрова в чулане. Девочки под присмотром бабушки. Санитарки с первого же дня стали проявлять заботу о больных, что не осталось незамеченным. В знак благодарности местные приносили им картошку, капусту, початки кукурузы, зёрна пшеницы, яблоки, сливы.

Старшая девочка Мина утром бегала на «передовую» за козьим молоком и обратно. Она хорошо усвоила, через минное поле можно бежать только по обозначенному проходу, сворачивать в сторону нельзя, взрыв и ноги улетят далеко от тела.

Прошло уже два месяца, как они вырвались из короткого ада смертельной угрозы германской оккупации. Беглянки расслабились, освободились от гнетущего страха и унижения пришивать на одежду шестиконечные звезды. Когда им вечером удавалось собраться всем вместе, недавнее прошлое вспоминалось уже как череда нереальных кошмаров, а воспоминания о ночном бегстве всех вообще удивляло, как им удалось это сделать.

К мирной жизни быстро привыкаешь, казалось, так будет всегда, но в один из дней ситуация круто изменилась. Бомбёжки, взрывы снарядов, треск автоматных очередей.

В конце октября 1942 года немцы взяли посёлок. От звуков гортанной чужой речи, тело Веры покрывалось мурашками, её трясло от мысли, что на этот раз её жизнь и жизни девочек оборвутся.

В ожидании появления у дома местных полицаев, молча готовилась к самому худшему. Даже мысль о том, что они внешне почти не отличаются от местных кабардинок, не снимала напряжения. А если отправят на допрос?

Бабушку по внешности сразу вычислят, а начнут допрашивать она не выдержит, признается,

– Да! Мы беженцы. С Украины мы.

В госпиталь ходила только Шура, узнать какие новости. Когда, через пару дней первая боль страха прошла, они с удивлением заметили, никто из соседей-кабардинцев и не думают выдавать полевой жандармерии этих пришлых «русских». Так прошло ещё несколько дней.

Ранним утром у калитки дома резко закрипел тормозами автомобиль, вышел немецкий унтер-офицер и два солдата с автоматами. Подошли к калитке дома.

Шура глянула на побледневшую Веру, молча развернулась и пошла к немцам открыть калитку. Оттолкнув плечом белокурую девушку, немцы вошли в дом. Унтер, не обращая ни на кого внимания, стал ходить по комнатам, осматривать всё. Солдаты спустились в подвал, потом вышли во двор, заглянули в сарай с хламом и вернулись к машине в ожидание приказа.

Унтер изобразил довольную улыбку и на ломаном русском, спросил, кто ещё здесь есть?

Получив отрицательный ответ, похвалил Шуру за порядок в доме и сообщил, – дом отдан старшему офицеру и его денщику. Если будут вести себя тихо, соблюдать «Орднунг», следить за порядком, чисто мыть клозет, «их наружу выгнат нет».

Унтер выбрал лучшую, изолированную комнату, солдаты занесли вещи, всё разложили, застелил постель для Оберста и уехали.

Наши беженки просто оторопели от такой ситуации. Это что же за судьбинushка такая? Что же это такое, в Ессентуках были на волоске от смерти, ушли как Колобок от волка, чтобы опять попасть в его злобную пасть.

Испытав первый шок, они едва нашли в себе силы дойти до стола, сесть, собрать волю в кулак и обсудить безвыходную ситуацию.

Нет уж, сдаваться не будем, будем чистить им туалет, соблюдать Орднунг и не показываться на глаза. Разработали строгие правила, которые должны помочь спастись, а дальше, что будет то будет.

Блондинка Шура должна была сказать, что девочки её дочки. Девочкам строго наказали тётю Шуру называть мамой, а маму «тётей Верой». Девочки в такой ситуации взрослели быстро, не по годам. Твёрдо уяснили, что при появлении немецкого офицера, быстро прошмыгнуть мышками, исчезнуть и затихнуть.

Основная проблема складывалась вокруг бабушки Златы Шмулевны, её характерная внешность в сочетании с явно выраженным «одесским» акцентом сдавали её по полной. Перебрали разные варианты, но потом просто отселили её во двор, в летнюю кухню и запретили вообще открывать рот, произносить слова. С этого часа она глухонемая, слабовидящая старуха.

Вера лучше рано уходить в госпиталь и возвращаться по темноте. Госпиталь во время оккупации не закрыли, врачи и персонал продолжали работать.

Планы, это всегда хорошо, только реальная ситуация чаще развивается по третьему, непредсказуемому сценарию. Поселившейся немецкий офицер, в первый же вечер попросил всех выйти и представиться. Скользя взглядом по Вере и Шуре, он очень обрадовался при виде двух очаровательных девочек. Они напомнили ему двух deutsches Madchen, его дочурок, живущих в Саксонии. Офицер проникся к ним отеческой заботой, сразу поручил своему денщику следить за чистотой детской одежды и особенно обувью. Уж очень он хотел видеть в ней. Возвращался со службы, поужинает, посадит на колени маленькую Наточку, угощает хлебом с маслом, шоколадом. Достанет семейную фотографию, показывает и что-то говорит на немецком.

Вера подслушивала и перевела, что говорит офицер. У него в Германии такие же две девочки, он их любит и очень скучает. Говорит, уже скоро война закончится, к нему в этот посёлок приедет жена с детьми и он обязательно познакомит Наточку со своими дочками. Офицер хоть на часок хотел воссоздать себе традиционный семейный уют. Забывался, что вдалеке от своего родного дома, но совсем рядом со смертью.

Жизнь под одной крышей с нацистом усложняла ситуацию. Ребёнок мог что-то сболтнуть лишнее и тогда всё могло рухнуть в момент. Шура, с замиранием сердца наблюдая со стороны за сидящими на коленях у офицера дочками. В такие моменты ей мерещилось, как прибегает денщик, нервно что-то докладывает офицеру, тот брезгливо отшвыривает девочек.

Денщик хватает детей и бросает на растерзание голодным кавказским волкодавам, а Веру и её маму вешают в саду на ближайшем дереве.

Но, умненькие девочки чётко выполняли все распоряжения, которые перед сном им нашептывала мама. Бабушка тоже мужественно молчала, замоталась платком под горянку и не реагировала ни на что. Прошмыгнёт по двору к себе в сарайчик и копошиться там. Каково было женщине всё время держать язык за зубами. Это был подвиг во имя жизни дочери и внучек.

Надо сказать, что немецкий гарнизон вел себя в Майском поскромнее. Командующий южного направления, *Feldmarschall von Kleist* приказал не обострять отношений с кавказскими народами. Солдаты у местных покупали на рынке молоко яйца, фрукты за рейхсмарки. Сам генерал посещал мечеть, общался со старейшинами, рассказывал о политике германии на Кавказе.

Вера рано уходила в госпиталь, возвращалась поздно, старалась не пересекаться с постояльцем. Работы в госпитале было много и её поведение не вызывало подозрений у денщика. Он обратил на это внимание. – *Sehr Gut! Arbeit macht frei.*

Санитарка Вера примкнула к группе врачей, которые занимались подпольной деятельностью. Приписывала в ведомости высокие температуры характерные для инфекций, больным ставили фиктивные диагнозы и переводили в инфекционное отделение. Так молодые люди получали отсрочки на работу в Германии.

Случился даже пикантный момент, местный молодой парень, дезертировавший из действующей советской армии, который «лечился» в инфекционном отделении госпиталя, наблюдая, как стройная «санитарка Верка», моет полы, страстно в неё влюбился, стал помогать, настойчиво просил выйти за него замуж.

Дарил кульки с фруктами и продуктами, родственников подсылал к Вере свататься. Её убеждали, что не надо бояться, русские уже разбиты и никогда не вернуться, а в их семье будет жить долго и счастливо. Вера, со своей стороны, как могла, уходила от ответа. Ссылалась на квартирного офицера, он не разрешит ей уйти из дома. Каждый вечер общается с ними, русский учит.

Надо отдать должное, в этой ситуации влюблённый местный парень не мстил ей, не угрожал выдать, что из беженцев. В этом проявлялась национальная черта кавказцев.

Следующие три месяца прошли как три года. Жили, можно сказать, на лезвие ножа. В конце января 1943 года немецкий гарнизон посёлка неожиданно засуетился, солдаты грузили в грузовики имущество, первыми уехали старшие офицеры. Вера с Шурой и не знали, что после капитуляции фашистов под Сталинградом, южная армия *Feldmarschall von Kleist* попадала в «котёл» и должна была быстро выравнивать фронт.

В посёлок вошли советские горно-стрелковые части. Кавказские Минеральные Воды так же были свободны. Принесли спирт из госпиталя, разбавили томатным соком и сели отметить своё очередное рождение.

Вот тут уж, захмелевшая «бабушка» отвязала свой язычок по полной. Рот не закрывала, никак наговориться не могла. Ей на тот момент было чуть более пятидесяти, хорошо смотрелась и весело, с одесским юмором, рассказывала, как немец-денщик, примерно одного с ней возраста помогала, а я, делала большие глаза и крутила пальцем у виска, – дурной штоли?

Все слушали и хохотали до упаду.

Женщины на радостях вымыли дом до блеска, выстирали, погладили всю одежду и всё чем пользовались. Попрощались с соседями, старыми и новыми друзьями, взяли справки

о своей работе в госпитале и пошли на главную дорогу. Попутным транспортом добрались до Эссентуков.

Пришли к оставленному дому, но там уже кто-то живёт. Встретили Веру соседки крайне злобно, вообще не понимали, почему эти «еврейки» живые ходят. Опасались тётки, немец вернётся, узнает, что еврейкам помогали, «зараз расстреляют».

Мир не без добрых людей, заботу проявили армянские семьи, знакомые по госпиталю. Помогли с жильём, на первое время, с тёплой одеждой.

Доктор Вера, медсестра Шура, с оставшимися в живых медиках, восстанавливали госпиталь, разрушенный и разграбленный за 5 месяцев оккупации. К маю 1943 года уже функционировали все госпитали и водолечебницы Кавказских Минеральных Вод. Поезда вновь потянули вагоны с ранеными. Но уже среди медперсонала уже не было профессоров и специалистов еврейской национальности. Были убиты все врачи эвакуированные из Ленинграда, Киева, Одессы, Крыма. Уже не было профессора Баумгольца, врачей высокой квалификации Дрибинский, Сокольский, Чацкий, Шварцмана, хирурга высшей квалификации Михаила Кауфмана, известного терапевта Фаинберга. И это лишь самый малый список выдающихся людей, расстрелянных за Стекольным заводом Минеральных Вод.

Советские криминалисты, эксперты раскопавшие в 1943 году ров, напишут – «... По жестокости, по количеству жертв, это было самое чудовищное преступление гитлеровцев на Ставрополье. Это преступление являлось обдуманым и четко реализованным планом уничтожения еврейской нации. Фашисты и их подручные из местных полицаев безжалостно, уничтожали всех, кто попал к ним в руки...».

Глава 2.29 Через много лет на этом поле

«Передайте об этом детям Вашим;
а дети пусть скажут своим детям,
а их дети – следующему роду»
ТОРА. Иоиль, 1:3

Я приехал в город Минеральные Воды встретиться с родственниками Мины Вейнблат. На вокзале среди прочих направлений, заметил маршрутку с картонкой «Стекольный Завод».

Ну, коль такси подано, надо ехать. Своими глазами посмотреть на место массового уничтожения людей. Проехал остановку «Завод» и на следующей вышел в надежде встретить указатели к столь трагическому месту. Блуждая по улочкам частных одноэтажных застроек, так никаких указателей и не встретил. Понял, методом бессмысленного тыка, не найду.

Подошёл к сидящему на лавочке у частного домика и спросил местного, как пройти к...

Сидящий посмотрел на меня внимательно и спросил, вы ищите место где расстреливали евреев?

Я кивнул.

Человек встал, опёрся на трость и сказал, что проводит до места, тут не далеко.

Вдвоём, не спеша, пару раз свернув по закоулкам, пошли в направлении лесополосы. Мой провожатый, поинтересовался кто я и откуда, попросил коротко рассказать о себе. Я рассказал, моя трудовая биография уложилась в несколько фраз, -сын офицера, нефтяной институт в Баку, работал в Туркмении, в Западной Сибирь. С некоторых пор пенсионер.

Попутчик внимательно выслушал, проникся ко мне доверием и стал рассказывать вначале о себе, потом перешёл к событиям военных лет.

Офицер. С развалом СССР, демобилизовали с пенсией, на которую жить нельзя. Работал на ставропольской большой «Химии», болезнь скрутила, стало трудно ходить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.